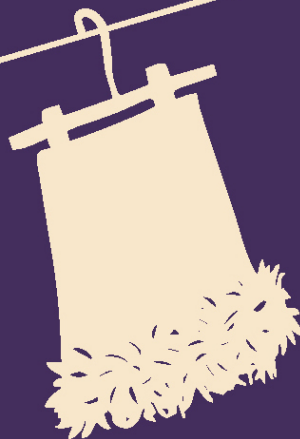
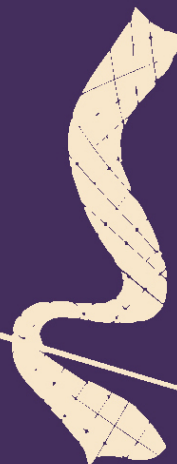

СОФИ КИНСЕЛЛА

Тайный мир Шопоголика

Шопоголик

Софи Кинселла

Тайный мир шопоголика

«ЭКСМО»

2000

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Кинселла С.

Тайный мир шоппоголика / С. Кинселла — «Эксмо»,
2000 — (Шоппоголик)

ISBN 978-5-699-91621-4

Всем известно, что жизнь – нелегкая штука. Буквально на каждом шагу нас подстерегают неприятности и всяческие сложности. Как с этим справляться? У Бекки есть ответ на этот вопрос – шоппинг. Но есть одна небольшая загвоздка – кредитка обнуляется с бешеной скоростью. Что делать? Зарабатывать больше? Тернистый путь без гарантии результата. Выйти замуж за богача? Сомнительный вариант для самостоятельной женщины. Экономить? Ну уж дудки! Да, Бекки выбрала дорогостоящее хобби. Но отказаться от привычки покупать выше ее сил. А значит, надо искать выход. И он непременно найдется!

УДК 821.111-31

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-699-91621-4

© Кинселла С., 2000

© Эксмо, 2000

Содержание

1	8
2	12
3	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Софи Кинселла

Тайный мир шоппоголика

Шопинг – лучшее лекарство от хандры.

Эту книгу я посвящаю Араминте Уитли, своей подруге, по совместительству являющейся и моим агентом.

Огромное спасибо Патрику Плонингтону-Смиту, Линде Эванс и команде издательства «Трансуорлд», Селии Хэйли, Марку Лукасу и всем работникам LAW, Ники Кеннеди и Джессике Бакмэн, Валери Хоскинс и Ребекке Уатсон, а также Брайану Сайбиреллу из САА.

Отдельное спасибо Саманте Уикхэм, Саре Мэнсер, Полу Уоттсу, Шанталь Рутерфорд-Браун, моей замечательной семье и особенно Гемме, которая научила меня грамотно ходить за покупками.

© Корчагина А., перевод на русский язык, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Банк Эндвич
Сталлион-сквер, 1
Лондон

Миз¹ Ребекке Блумвуд
Джарвис-роуд, д. 63, кв. 4
Бристоль

6 июля 1997 года.

Уважаемая миз Блумвуд.

Поздравляем! Вы стали выпускником Бристольского университета и несомненно гордитесь своими успехами.

Банк «Эндвич» также гордится своей удобной и гибкой системой работы, которая призвана удовлетворить любого клиента. Руководство нашего банка проявляет дальновидность, применяя индивидуальный подход к клиентам, особенно к людям Вашего статуса.

И поэтому Вам, миз Блумвуд, как выпускнице университета, мы предлагаем повышенный кредитный лимит размером в 2000 фунтов в течение первых двух лет Вашей профессиональной карьеры. Если Вы решите воспользоваться услугами нашего банка, Вы автоматически получите данную услугу.

Искренне надеемся, что Вы воспользуетесь этим замечательным предложением, и с нетерпением ждем Вашего заявления на открытие счета.

Еще раз примите наши поздравления!

¹ Миз – современное обращение к женщине, продиктованное принципами политкорректности. – *Здесь и далее примеч. ред.*

С уважением,
Найджел Фэйарс,
менеджер по маркетингу среди выпускников университетов после
подтверждения кредитоспособности.

ЭНДВИЧ – ПОТОМУ ЧТО МЫ ЗАБОТИМСЯ О ВАС

**Банк Эндвич
Филиал Фулхэм
Фулхэм-роуд, 3
Лондон**

Миз Ребекке Блумвуд
Берни-роуд, д. 4, кв. 2
Лондон

10 сентября 1999 года.

Уважаемая миз Блумвуд.

В дополнение к моим письмам от 3 мая, 29 июля и 14 августа уведомляю Вас, что Ваш бесплатный повышенный кредитный лимит для выпускников действителен до 19 сентября 1999 года. Также сообщаю, что Вы значительно превысили оговоренный лимит в 2000 фунтов.

На данный момент Ваш долг банку составляет 3794,56 фунта.

Не могли бы Вы связаться по телефону с моей помощницей Эрикой Парнел и договориться о личной встрече, дабы обсудить сложившуюся ситуацию?

С уважением,
Дерек Смит,
менеджер.

ЭНДВИЧ – ПОТОМУ ЧТО МЫ ЗАБОТИМСЯ О ВАС

**Банк Эндвич
Филиал Фулхэм
Фулхэм-роуд, 3
Лондон**

Миз Ребекке Блумвуд
Берни-роуд, д. 4, кв. 2
Лондон

22 сентября 1999 года.

Уважаемая миз Блумвуд.

Выражаю свое искреннее сочувствие по поводу Вашего недавнего перелома ноги.

Надеюсь, что по выздоровлении Вас не затруднит перезвонить по телефону моей помощнице Эрике Парнел и назначить личную встречу с целью обсудить Ваш перерасход по кредиту.

С уважением,
Дерек Смит,
менеджер.

ЭНДВИЧ – ПОТОМУ ЧТО МЫ ЗАБОТИМСЯ О ВАС

**Банк Эндвич
Филиал Фулхэм
Фулхэм-роуд, 3
Лондон**

Миз Ребекке Блумвуд
Берни-роуд, д. 4, кв. 2
Лондон

17 ноября 1999 года.

Уважаемая миз Блумвуд.

Выражаю Вам свое искреннее сочувствие по поводу Вашей ангины.

Надеюсь, что по выздоровлении Вас не затруднит связаться по телефону с моей помощницей Эрикой Парнел и назначить личную встречу с целью обсудить сложившуюся ситуацию.

С уважением,
Дерек Смит,
менеджер.

ЭНДВИЧ – ПОТОМУ ЧТО МЫ ЗАБОТИМСЯ О ВАС

1

Так, спокойствие, только спокойствие. Это всего лишь счет по кредитке. Какой-то клочок бумаги с цифрами. Ну что в нем может быть такого страшного?

Я смотрю в окно на Оксфорд-стрит, на проезжающий мимо автобус. Пытаюсь заставить себя открыть белый конверт, лежащий поверх кучи хлама на моем столе. В сотый раз повторяю себе, что это обычный лист бумаги. И я ведь не дура, так? Я ведь точно знаю, на какую сумму там счет.

Ну, или почти точно. Примерно.

Там, наверное, около... 200 фунтов. А может быть, триста. Да, возможно, триста. Максимум триста пятьдесят.

Закрываю глаза и начинаю мысленно подсчитывать расходы. Так, костюм в «Джигсо»². Дальше, ужин со Сьюз в ресторане «Куаглино». И еще тот шикарный желто-красный коврик. За коврик, кажется, я заплатила фунтов двести. Но он стоил этих денег – привел в восхищение всех без исключения. Во всяком случае, Сьюз от него без ума.

А костюмчик в «Джигсо» был со скидкой – 30 процентов. Так что я вообще на нем *экономила*. Открываю глаза и беру счет. Как только мои пальцы касаются конверта, я вспоминаю про новые контактные линзы. Девяносто пять фунтов. Недешево, конечно, но мне они были необходимы. Я что, должна ходить полуслепая?

А к ним пришлось купить новый раствор, и симпатичный контейнер, и гипоаллергенную подводку для глаз. Все вместе тянет на... четыреста?

За соседним столом сидит Клэр Эдвардс. Она поднимает на меня взгляд от корреспонденции – каждое утро она сортирует все свои письма и раскладывает их в аккуратные стопочки, перетягивает резинкой и наклеивает сверху бумажки: «Ответить немедленно», «Не срочно, но ответить». Как меня раздражает эта Клэр Эдвардс.

– Все нормально, Бекки? – спрашивает она.

– Отлично, – весело отвечаю я. – Так, письмо пришло.

Небрежно протягиваю руку к конверту, но пальцы почему-то никак не хотят вытаскивать из него счет. Прилипли к бумаге, и все тут, а я опять застыла и углубилась в мечты. Так происходит каждый месяц. Все мое существо охватывает одна-единственная, тайная мечта.

Хотите знать – какая? Когда-то я прочитала в газете историю о банковской ошибке. Статья мне так понравилась, что я вырезала ее и пришила к дверце шкафа в спальне. Банк перепутал имена двух клиентов и каждому послал чужой счет по кредитке. Но самое главное – оба человека *не глядя* оплатили счета, так и не заподозрив ошибки!

И с тех пор я втайне мечтаю, что подобное случится и со мной. Какой-нибудь сумасшедшей старухе из Корнуолла пришлют мой огромный счет, и она возьмет и оплатит его. А мне придет ее счет за покупку трех банок кошачьих консервов по 59 пенсов штука, и я, конечно, без вопросов его оплачу. Все по-честному!

Я невидяще смотрю в окно с блаженной улыбкой на лице. Уверена, что именно в этом месяце суждено сбыться моей тайной мечте. Но когда я под назойливым взглядом Клэр достаю из конверта счет, улыбка на моих губах вянет, а потом и вовсе пропадает. Поперек горла встает вязкий горячий ком. Наверное, это страх.

Листок буквально испещрен цифрами. Вереница знакомых названий мелькает перед глазами, словно вывески в торговом центре. Я пытаюсь понять прочитанное, но слова слишком быстро проносятся мимо.

² Сеть дорогих магазинов одежды.

Но вот одно всплывает. «Торнтонс». Шоколад «Торнтонс»? Как меня занесло в шоколадную лавку? Я же вроде как на диете? Нет, это не мой счет! Не мой! Я бы ни за что не смогла потратить столько денег.

Спокойно, возьми себя в руки. Главное – не паниковать. Просто прочитай внимательно каждую строчку.

Делаю глубокий вдох, заставляю себя сосредоточиться, унять нервы и вникнуть в смысл верхней строки.

Магазин канцтоваров «Смит» (это нормально, канцтовары нужны всем).

Обувь (без вопросов).

Оптика (тоже).

Винный клуб «Оддбинс» (бутылка вина – жизненная необходимость).

«Наша Цена». (*Наша Цена?* Ах да. Новый альбом группы «Шарлатанс». Ну как же без этого?)

Ресторан «Белла Паста» (ужин с Кэтлин).

Винный клуб «Оддбинс» (бутылка вина – жизненная необходимость).

Заправка «Эссо» (бензин не считается).

Ресторан «Куаглино» (дорого, но один раз можно себе позволить).

Магазин полуфабрикатов «Прет-а-манже» (у меня тогда наличные кончились).

Винный клуб «Оддбинс» (бутылка вина – жизненная необходимость).

«Ковры для роскоши». (Это еще что? Господи, коврик. Чертов коврик.)

Бутик «La Senza» (сексуальное белье для свидания с Джеймсом).

«Провоцирующий фактор» (еще более сексуальное белье для свидания с Джеймсом). Ха!

Если бы оно еще и пригодились!

Магазин «Для тела». (Что для тела? Ах да, щеточка. *Пора бы* уже испробовать ее в деле.)

«Некст» (обычная белая рубашка, но на нее была скидка).

«Миллетс»...

Стоп. «Миллетс»? Я никогда не хожу в «Миллетс». С чего бы это я туда забрела? Смотрю на треклятый «Миллетс» в полном недоумении, натужно морщю лоб, пытаюсь вспомнить... и тут вся правда жизни обрушивается мне на голову. Конечно же! Кто-то пользовался моей кредиткой!

Боже мой. Я, Ребекка Блумвуд, – жертва преступления.

Вот теперь все встало на свои места. Какой-то злоумышленник стырил мою кредитку, подделал подпись и расплачивался моей карточкой направо и налево. Теперь ясно, откуда у меня такой счет! Кто-то лихо затарился в лондонских магазинах с моей кредиткой. И наверное, думал, что это ему сойдет с рук? Но как ему удалось?.. Роюсь в сумке, нахожу кошелек, открываю, и... вот она, моя «ВИЗА». Вытаскиваю ее и упираюсь в карточку безумным взглядом. Кто-то стащил мою кредитку, попользовался ей и *положил на место*. Наверняка этот *кто-то* из моих знакомых. Но кто? Боже мой!

Оглядываю офис подозрительным взглядом. Умом преступника природа явно обделила. Надо же было придумать пойти с моей карточкой в «Миллетс»! Это же смешно. Да я там в жизни не была!

– Я ни разу в жизни не была в «Миллетс»! – вслух говорю я.

– Была, – возражает Клэр. – Разве не там ты купила подарок по случаю отъезда Майкла?

Я смотрю на нее и чувствую, как испаряется моя победная улыбка. Черт! Конечно. Синяя ветровка для Майкла. Дурацкая синяя ветровка из «Миллетс».

Три недели назад, перед отъездом Майкла, нашего редактора, я вызвалась купить ему подарок. Я взяла конвертик с монетками и мелкими купюрами и выбрала в магазине ветровку (поверьте мне на слово – это в его стиле). Теперь припоминаю – в последнюю минуту я решила оставить себе наличные, а за подарок заплатить кредиткой.

Правильно, я тогда вытащила из конверта четыре купюры по пять фунтов и аккуратно сложила их в свой бумажник, потом выловила из кучи монет «фунтовики» и убрала их в отделение для мелочи, остальные же мелкие монетки горстью бросила на дно сумки. Помню, еще подумала, как здорово, что не придется идти к банкомату. Я считала, что шестидесяти фунтов мне хватит как минимум на две недели.

И куда делись эти деньги? Как можно потратить 60 фунтов, не заметив этого? Я же в своем уме!

– А что это ты вдруг вспомнила «Миллетс»? – сует свой нос дотошная Клэр, вытягивая шею. Вижу, как ее маленькие всевидящие глазки блестят за очками. Она знает, что я изучаю свой счет по кредитке.

– Просто так, – отвечаю я, быстро переворачивая страницу письма.

Но все же она меня выбила из колеи своим любопытством. И вместо того чтобы, как обычно, сразу посмотреть на строку «Необходимый минимальный взнос», не доходя до «Итого», я вдруг уперлась взглядом в строчку с конечной суммой.

Девятьсот сорок девять фунтов и шестьдесят три пенса. Четко, черным по белому.

Секунд тридцать я смотрю на цифру стеклянными глазами, потом кладу листок обратно в конверт. Честное слово, в этот момент я искренне уверена, что письмо не имеет ко мне никакого отношения. Может быть, если я нечаянно уроню его на пол, оно тут же исчезнет? Придут уборщики, смахнут его вместе с остальным мусором, и я скажу, что не получала этого письма. Они же не могут потребовать, чтобы я оплатила счет, которого в глаза не видела?

Уже придумываю, какое письмо я им напишу.

«Уважаемый господин управляющий отделом кредитных карт. Ваше письмо повергло меня в некоторое замешательство. О каком счете идет речь? Я не получала писем от Вашей компании. Более того, меня возмутил тон Вашего послания. Предупреждаю Вас, я намерена жаловаться Энн Робинсон в комитет по защите прав потребителей».

В любом случае, я всегда могу сбежать за границу.

– Бекки? – Я испуганно поднимаю голову и вижу, что Клэр внимательно на меня смотрит. – Ты закончила материал про «Ллойдз Банк»?

– Почти, – вынуждена соврать я.

Под ее настырным взглядом я открываю файл, дабы сделать вид, что действительно собираюсь заняться их выпуском. Но эта заноза все равно не сводит с меня глаз.

«Вкладчикам понравится наличие моментального доступа к счету, – печатаю я, списывая все слово в слово из пресс-релиза, лежащего передо мной. – Кроме того, для вкладов свыше 5000 фунтов предусмотрен повышенный накопительный процент».

Ставлю точку, отпиваю глоток кофе и открываю вторую страницу пресс-релиза.

Кстати, это и есть моя работа. Я – журналист в финансовом издании. Мне платят, чтобы я рассказывала людям, как правильно распоряжаться деньгами.

Конечно, не о такой работе я мечтала. Ни один человек, работающий в финансовом журнале, не мечтал об этом. Некоторые, правда, уверяют: «Я так увлекся вопросом управления личными финансами, что решил писать только на эту тему». Вранье. На самом деле эти слова означают, что человек не смог найти работу получше. А еще это означает, что он посылал свои резюме в «Таймс», и «Экспресс», и «Мари Клэр», и «Вог», и «GQ», и «Лоудед» и везде услышал «отвали».

После этого он стал подавать резюме в «Вестник металлурга», «Газету сыроделов» и в «Куда вложить деньги?». Его взяли на самую нудную должность помощника редактора с нулевой зарплатой, и он был безмерно признателен. Однажды начав, человек так и продолжал писать о металлургии, сыроварении или сберегательных счетах, потому что ничему другому уже не смог научиться. Я лично начала работать в журнале с увлекательным названием «Вест-

ник частного инвестора» и довольно быстро наострилась списывать абзацы из пресс-релизов, кивать с умным видом на пресс-конференциях и задавать вопросы так, чтобы все подумали, будто я знаю, о чем идет речь. Через полтора года – хотите верьте, хотите нет, – но меня переманили в «Удачные сбережения».

Конечно, я и сейчас ничегошеньки не смыслю в финансах. Любой прохожий на улице знает о деньгах больше моего. Любой первоклассник разбирается в финансах лучше меня. Я работаю в этой сфере уже три года и до сих пор боюсь, что меня кто-нибудь раскусит.

Днем наш редактор Филип вдруг вызвал меня к себе. От неожиданности я даже подпрыгнула на стуле.

– Ребекка? Можно вас на пару слов? – И поманил меня рукой к своему столу. Мне показалось, что он произнес это не обычным голосом, а почти шепотом, будто хотел, чтобы нас никто не услышал. И так мне при этом улыбался, словно у него для меня припасены отличные новости.

«Боже мой, – подумала я. – Меня повысили. Точно. Филип наконец-то понял, что несправедливо платить мне меньше, чем Клэр, и поэтому решил повысить меня в должности до ее уровня. Или даже выше. И хочет мне сообщить об этом тайком, чтобы Клэр не обзавидовалась».

Помимо своей воли я расплываюсь в ответной улыбке, поднимаюсь, прохожу три метра до его стола, стараясь сохранять спокойствие и уже обдумывая, что бы мне прикупить на прибавку. Да, точно, куплю то стильное пальтишко в «Уистлз». И еще черные сапожки на высоком каблуке в «Пьед-а-Терр». Может быть, даже съезжу в отпуск. И расплачусь раз и навсегда с этими долгами по кредитке. Ох, как гора с плеч. Я *знала*, что все будет хорошо...

– Ребекка? – Филип сует мне визитку. – У меня не получается пойти на эту пресс-конференцию. Но там должно быть что-то интересное. Вы не могли бы туда сходить? Это будет у «Брендон Комьюникейшнс».

Моя счастливая улыбка тает, словно мороженое на солнце. Нет, это не повышение в должности. И даже не повышение в зарплате. Чувствую себя так, будто меня предали. *Зачем* он тогда заговорщицки улыбался? Должен был знать, как я это истолкую. Чурбан бессердечный.

– Что-то случилось? – вопрошает Филип.

– Нет, – бормочу я, но заставить себя растянуть губы в улыбке не могу. Стильное пальто и сапожки на каблуках растворяются в воздухе, словно мираж. Повышения не будет. Так, обычная пресс-конференция по поводу... Смотрю на визитку. По поводу нового инвестиционного фонда. Кому это вообще интересно?

– Вы могли бы рассказать об этом в разделе новостей.

– Ладно, – пожимаю я плечами и ухожу.

2

По дороге на пресс-конференцию мне нужно сделать одну очень важную покупку – газету «Файнэншиал таймс». Бесспорно, «ФТ» – лучшее украшение для девушки. Почему «ФТ»?

Во-первых, она красивого цвета. Во-вторых, стоит всего 85 пенсов. В-третьих, если войти в комнату, держа под мышкой «ФТ», все сразу начинают относиться к тебе чрезвычайно серьезно. С «ФТ» в руках можно нести какую угодно ерунду, и никто не подумает, что ты легкомысленная дурочка. Напротив, все сочтут тебя настоящей интеллектуалкой с широким кругозором.

На собеседование в «Удачные сбережения» я пришла с «ФТ» и «Вестником инвестора», и... мне не задали ни одного вопроса о финансах. Помню, что во время собеседования мы только и делали, что болтали о виллах на Лазурном берегу да сплетничали о других редакторах.

Торможу у газетного киоска, покупаю номер «ФТ», сую под мышку и люблюсь своим отражением в витрине «Денни и Джордж».

Неплохо смотрюсь: черная юбка от «Френч Коннекшн», простой белый топ от «Никербокс» и кардиганчик из ангоры, который я купила в «Маркс и Спенсер», но выглядит он так, словно от «Агнес Би». И еще новые туфли с квадратным носком из «Хоббс». Больше того, под юбкой и топом отпадный новый комплект белья – с вышитыми желтыми розочками, очень милый, пусть его никто и не видит. Все равно, это – самая красивая вещь из моего сегодняшнего туалета. У меня даже мелькает мысль, что было бы здорово, если бы меня сбила машина и все увидели, в каком я классном белье.

Это моя давняя привычка – перечислять все, что на мне надето, как это делают на странице моды в разных журналах. Началось это, еще когда я читала журнал «Seventeen». Для каждого номера они останавливали на улице девушку, фотографировали ее и перечисляли все, что на ней надето: футболка – «Челси Гёрл», джинсы – «Топ Шоп», туфли – взяла поносить у подруги. Я жадно поглощала все, что писали на этих страницах, и по сей день, если покупаю одежду в не очень модном магазине, тут же срезаю бирку. Так что если меня остановят и спросят, что на мне надето, могу преспокойно сделать вид, что не помню, откуда эта вещь.

В общем, неважно. И вот стою я перед витриной, люблюсь собой. Эх, хорошо бы сейчас откуда ни возьмись выскочил журналист с камерой... Но вдруг взгляд останавливается на одном слове, и сердце замирает. В витрине «Денни и Джордж» стоит скромный темно-зеленый прямоугольник, на котором кремовыми буквами написано: «РАСПРОДАЖА».

Я смотрю на него, а сердце глухо и тяжело бьется. Этого не может быть. «Денни и Джордж» никогда не устраивают распродаж. Их кашемировые шарфы и шали пользуются таким спросом, что они могли бы продавать товар и вдвое дороже. Все мои знакомые, весь мир жаждет занять шарфик от «Денни и Джордж». (Конечно, за исключением моих родителей. Моя мама уверена, что если вещь нельзя купить в обычном торговом центре, то она и вовсе не нужна.)

Тяжело сглатываю, приближаюсь к двери и вхожу в крошечный магазин. Дверь задевает подвешенный над ней колокольчик, и симпатичная светловолосая продавщица поднимает на меня взгляд. Не знаю, как зовут эту милую девушку, но мне она всегда нравилась. Она совсем не похожа на этих надменных коров из других магазинов и никогда не злится, если кто-то часами стоит у прилавка, разглядывая вещи, которые ему явно не по карману. Обычно я по полчаса пожираю глазами шарфики в магазине «Денни и Джордж», а потом иду в соседний магазин аксессуаров и покупаю что-нибудь для поднятия духа. У меня дома целый ящик в комод забит заменителями «Денни и Джордж».

– Здравствуйте, – говорю я, пытаюсь придать голосу непринужденность. – У вас... кажется... распродажа.

– Да, – улыбается блондинка за прилавком. – Хотя такое обычно не в наших правилах.

Я ошалело оглядываю зал: на полках аккуратными стопочками сложены шарфы с темно-зелеными этикетками «скидка 50%». Набивной бархат; шелк, обшитый бисером; кашемир с вышивкой. И на всех шарфиках скромные ярлычки «Денни и Джордж». Их тут видимо-невидимо, просто глаза разбегаются... Я начинаю паниковать.

– Мне кажется, вам всегда нравился вот этот, – говорит милая блондинка, вытаскивая струящееся серо-голубое чудо из стопки прямо перед собой.

О да. Конечно. Этот шарфик я помню. Шелковый бархат с рисунком бледно-голубого цвета и переливающимися бусинками. Я смотрю на него и чувствую, как невидимые нити притягивают меня к этому сокровищу. Я не могу сопротивляться, я просто обязана прикоснуться к нему. Я должна надеть его. Я в жизни не видела ничего прекраснее этого шарфика. Девушка смотрит на ценник: «Цена снижена с 340 до 120 фунтов». Она подходит ко мне и обвивает шарф вокруг моей шеи, а я зачарованно смотрю на свое отражение в зеркале.

Какие могут быть сомнения? Я должна купить его. Непременно. С ним мои глаза кажутся больше, стрижка – дороже, и вообще я выгляжу по-другому. И носить могу его с чем угодно. И люди станут говорить обо мне: «Вон та девушка в шарфе от „Денни и Джордж“».

– На вашем месте я бы его купила не раздумывая, – улыбается мне продавщица. – Он один такой остался.

Пальцы мои сами собой намертво впиваются в шарф.

– Беру! – выдыхаю я. – Беру.

И вот она заворачивает шарфик в тонкую упаковочную бумагу, а я достаю кошелек и привычным жестом открываю отделение, где лежит моя «ВИЗА», но... нащупываю только кожаный край кармашка. Я удивленно замираю, а потом начинаю лихорадочно шарить по всем отделениям кошелька – решив, что засунула ее вместе с чеком или положила в отделение для визиток... И вдруг вспоминаю. Черт, я же оставила ее на столе!

Вот дура. Как я могла оставить карточку? Чем я только думала?

Добрая продавщица укладывает завернутый в шелестящий лист шарф в темно-зеленую фирменную коробку «Денни и Джордж». Боже. Что же делать?

– Как будете расплачиваться? – вежливо интересуется она.

Мое лицо заливают краска.

– Только что обнаружила – я забыла свою кредитку в офисе, – запинаясь, бормочу я.

– Ой. – Руки девушки застывают в воздухе.

– А вы не могли бы придержать его для меня?

Девушка явно в замешательстве.

– А на сколько?

– До завтра? – в отчаянии спрашиваю я. Черт. Она кривится. Неужели не понимает?

– Боюсь, что нет. Нам запрещено придерживать товар, выставленный со скидкой.

– Ну хотя бы до вечера, – прошу я. – Вы когда закрываетесь?

– В шесть.

В шесть! Меня охватывает возбуждение, смешанное с чувством огромного облегчения. Давай, Ребекка! Идешь на пресс-конференцию, смываешься оттуда пораньше, на такси мчишься в офис. Там хватаешь кредитку, говоришь Филипу, что забыла на пресс-конференции записную книжку, возвращаешься сюда и покупаешь шарфик.

– А до закрытия сможете придержать? – умоляю я. – Пожалуйста. Очень вас прошу.

Девушка сдается:

– Хорошо, отложу его для вас.

– Спасибо!

Выбегаю из магазина и спешу к «Брендон Комьюникейшнс», моля бога, чтобы пресс-конференция не затянулась. Господи, пожалуйста, сделай так, чтобы вопросы были короткими и чтобы я смогла купить себе тот шарфик.

Прибыв в «Брендон Комьюникейшнс», перевожу дух. Можно расслабиться – у меня же целых три часа, а мой шарфик надежно упрятан под прилавком. Никто у меня его не отнимет.

Плакат в фойе сообщает, что пресс-конференция на тему «Экзотические предложения от „Форланд Инвестментс“» состоится в зале Артемиды. Человек в униформе направляет всех в дальний конец коридора. Видимо, мероприятие серьезное. Не мирового масштаба, конечно, но весьма заметное событие в нашем тесном и скучном финансовом мире.

Вхожу в зал и сразу окунаюсь в гул голосов – народ общается, и между кучками людей снуют официантки, разнося канапе. Журналисты жадно глотают шампанское, словно впервые в жизни его видят, девушки-пиарщицы нехотя прихлебывают воду и надменно оглядывают собравшихся. Официант предлагает мне шампанское, и я беру сразу два бокала – один выпью сейчас, а второй поставлю под стул, чтобы было чем развлечься во время нудных докладов.

В дальнем конце зала замечаю Элли Грангер из «Еженедельника инвестора». Ее зажали в углу двое важных мужчин в костюмах, и она кивает им с серьезным видом, но по лицу заметно, что ни бельмеса не понимает. Элли – классная. Она работает в этом журнале всего полгода, а уже подала резюме на сорок три другие вакансии. Вообще-то она мечтает стать где-нибудь редактором отдела мод. А я хочу быть Фионой Филлипс³. Иногда по пьяной лавочке мы даем друг другу клятвы, что через три месяца бросим работу, если не добьемся чего-нибудь замечательного. Но на трезвую голову мысль о том, что я могу остаться без денег – даже на месяц, – кажется мне страшнее перспективы всю жизнь писать о пенсионных счетах.

– Ребекка! Хорошо, что вырвались сюда.

Поднимаю глаза и едва не захлебываюсь шампанским – передо мной Люк Брендон собственной персоной, глава компании «Брендон Комьюникейшнс». Он смотрит на меня так, словно знает, о чем я только что думала.

Я видела его всего пару раз, но мне всегда неловко в его присутствии. Во-первых, у него страшная репутация. Все, даже мой босс Филип, беспрестанно твердят, что Люк Брендон – настоящий гений. Он основал «Брендон Комьюникейшнс» с нуля, а теперь это крупнейшая компания по финансовому пиару во всем Лондоне. Несколько месяцев назад в какой-то газете написали, что он – один из самых умных предпринимателей своего поколения. И что у него феноменально высокий коэффициент интеллекта и фотографическая память (всегда недолюбливала людей с фотографической памятью). Но это еще не все. Когда Люк Брендон разговаривает со мной, он вечно морщится, как будто знает, какая я на самом деле обманщица. А вдруг окажется, что великолепный Люк Брендон обладает не только гениальными способностями, но и умеет читать мысли? И знает, что когда я с умным видом киваю и малюю в блокноте какие-то таблички, думаю-то в это время о той черной кофточке, которую на днях видела в магазине, и о том, смогу ли купить к ней еще и брючки.

– Вы, кажется, знакомы с Алисией? – спрашивает Люк и указывает на блондинку с безупречной внешностью.

Вообще-то я не знакома с Алисией. И несколько по этому поводу не переживаю. Они все на одно лицо, эти девушки из «Брендон К.», как они называют свою контору. Прекрасно одеты, отлично воспитаны, искусно излагают свои мысли, все замужем за банкирами и обладают нулевым чувством юмора.

– Вы из «Удачных сбережений», если не ошибаюсь? – холодно говорит Алисия, пожимая мне руку.

– Да, – так же неприветливо отвечаю я.

³ Фиона Филлипс – одна из ведущих на канале MTV.

– Прекрасно, что смогли прийти. Я знаю, что вы, журналисты, вечно заняты.

– Всегда пожалуйста. Мы стараемся не пропускать пресс-конференции, чтобы быть в курсе всех событий на рынке.

Я очень довольна своим ответом. Почти сама верю в то, что сказала.

Алисия серьезно кивает, будто бы мои слова для нее чрезвычайно важны.

– Скажите, Ребекка, что вы думаете о сегодняшних новостях? – спрашивает она, глядя на «ФТ» у меня под мышкой. – Совершенно неожиданно, не правда ли?

Господи, о чем это она?

– Да, довольно любопытно, – неопределенно говорю я и оглядываю зал в поисках подсказки, но тщетно. Что же произошло? Процентные ставки возросли, что ли?

– Мне кажется, в целом для нашей сферы это плохие новости, – важно заявляет Алисия. – Хотя у вас наверняка собственное мнение на этот счет. – И смотрит на меня в ожидании ответа.

Чувствую, что краснею. Как же выпутаться? Все, с этого момента, честное слово даю, буду читать газеты каждое утро, чтобы никто никогда не смог меня еще раз так подловить.

– Полностью с вами согласна, – наконец улыбаюсь я, когда тянуть время больше невозможно. – Думаю, это очень плохие новости. – Голос у меня сдавленный. Отпиваю шампанского и молю бога, чтобы случилось землетрясение.

– Вы знали, что это может произойти? – спрашивает она. – Журналисты ведь обо всем узнают первыми.

– Я... да, конечно. – На мой взгляд, прозвучало убедительно.

– А теперь еще пошли слухи про «Скоттиш Прайм» и «Флагстафф Лайф». Они тоже решились на это! – И Алисия выжидающе замолкает. – Думаете, это правда?

– Э-э... трудно сказать, – отвечаю я и снова глотаю шампанского. Какие еще слухи? Господи, ну что она в меня вцепилась?

И тут я совершаю огромную ошибку – мельком бросаю взгляд на Люка Брендона. Он смотрит на меня со странным выражением на лице. Черт! Он *знает*, что я понятия не имею, о чем идет речь.

– Алисия, – вдруг говорит он, – пришла Мэгги Стивенс. Не могли бы вы...

– Конечно, – отвечает дрессированная Алисия и направляется к двери.

– Да, и еще, Алисия, – добавляет Люк; она быстро оборачивается. – Я хочу доподлинно знать, кто напортачил с цифрами.

– Ясно, – выдыхает Алисия и буквально удирает.

Черт, все-таки он страшный. И теперь я осталась с ним с глазу на глаз. Так и хочется провалиться сквозь землю.

– Ну, – говорю я резко, – мне пора идти... Люк Брендон наклоняется ко мне и тихо шепчет:

– SBG сегодня утром объявили, что перекупили «Рутланд Банк».

Ну конечно! Теперь я вспоминаю, что слышала что-то такое в новостях.

– Знаю, – надменно говорю я. – Читала в «ФТ».

И прежде, чем он успевает ответить, ухожу пообщаться с Элли.

Пресс-конференция вот-вот должна начаться, поэтому я иду к задним рядам и занимаю два места – для себя и для Элли. Открываю блокнот, пишу сверху страницы «Брендон Комьюникейшнс» и начинаю разрисовывать поля орнаментами из цветочков. Рядом сидит Элли и набирает номер гороскопа по мобильному телефону.

Отпиваю шампанского, откидываюсь на спинку стула и намереваюсь приятно провести время. Какой смысл слушать, что там говорят на пресс-конференциях? Вся необходимая информация есть в пресс-релизе, и по ней потом легко вычислить, о чем шла речь. Интересно,

а заметит ли кто-нибудь, если я сейчас достану лак и начну красить ногти? Но тут ко мне подсакивает ужасная Алисия.

– Ребекка?

– Да, – лениво отзываюсь я.

– Вас к телефону. Ваш редактор.

– Филип? – уточняю я, как дура. Можно подумать, у меня сто редакторов.

– Да. – Она смотрит на меня как на конченную тупицу и указывает на телефон в дальнем углу зала.

Элли вопрошающе поднимает брови, я в ответ пожимаю плечами. Филип никогда еще не звонил мне во время пресс-конференций.

Проходя по залу, я чувствую свою важность, но и волнение тоже. Может, в нашем офисе пожар? Или Филип нарыл какую-нибудь сенсацию и хочет отправить меня в Нью-Йорк провести расследование?

– Алло, Филип? – Эх, неправильное начало. Нужно было сказать что-нибудь более резкое и краткое, например суховатое «Да?».

– Ребекка, извините, что достаю вас целый день, но у меня начинается мигрень, и я собираюсь домой, – говорит Филип.

– А-а, – в недоумении тяну я.

– Вот я и подумал, не могли бы вы выполнить небольшое поручение.

Поручение? Да за кого он меня держит? Если ему нужна девочка для побегушек за анальгином, пусть себе секретаршу заведет.

– Не знаю, – обескураженно отвечаю я. – Не уверена, что смогу уйти с конференции.

– Когда освободитесь. Комитет по социальной защите в пять часов подготовит отчет, вам не составит труда заехать и забрать его? После пресс-конференции вы сможете доехать прямо до Вестминстера.

Что? Я смотрю на телефон в ужасе. Не могу я забрать этот чертов отчет. Мне нужно забрать свою кредитку из офиса! И выкупить свой шарф!

– А что, Клэр не может поехать? – спрашиваю я. – Я собиралась вернуться в офис и закончить свою статью по... – О чем это я должна была написать в этом месяце?.. – По ипотечным ссудам.

– Клэр будет на брифинге в Сити. А Вестминстер как раз по дороге в ваш супермодный Фулхэм.

Филип *никогда* не упускает случая подколоть меня по поводу Фулхэма, потому что сам он живет в Харпендене⁴.

– Вам всего лишь нужно выйти из метро, захватить отчет и снова сесть в метро.

Боже мой, отвертеться от него точно не получится. Закрываю глаза и быстро соображаю. Так, час тут. Потом бегом в офис, беру кредитку, мчусь в «Денни и Джордж», выкупаю свой шарфик, пулей в Вестминстер, забираю отчет. В принципе, должна успеть.

– Хорошо, – отвечаю я. – Будет сделано.

На свое место я возвращаюсь как раз перед тем, как в зале гаснет свет и на экране появляется надпись: «ПРЕДЛОЖЕНИЕ – ДАЛЬНИЙ ВОСТОК». Потом идет черед ярких картинок из Гонконга, Таиланда и прочих экзотических мест, виды которых пробуждают желание немедленно поехать в отпуск. Но сегодня я не могу расслабиться и посмеяться над новенькой журналисткой из «Портфолио уик», которая старательно конспектирует каждое слово и непременно задаст не меньше пяти вопросов только потому, что уверена, будто это ее прямая обязанность. Я слишком озабочена покупкой шарфа. А что, если я не успею прийти вовремя?

⁴ Фулхэм – один из самых дорогих районов Центрального Лондона. Харпенден – лондонский пригород.

Или кто-нибудь предложит за него более высокую цену? От одной этой мысли меня в холодный пот кидает.

Но когда на экране фотографии с тайскими видами сменяются скучной диаграммой, меня осеняет гениальная мысль. Ну разумеется! Я могу заплатить за шарф наличными. Против наличных никто не поперет. Сто фунтов обналичу с кредитки, и остается лишь занять где-то еще двадцать.

Выдираю страничку из своего блокнота, пишу: «Можешь дать займы двадцать фунтов?» – и передаю бумажку Элли, которая все еще тайком слушает что-то по мобильнику. Интересно, неужели до сих пор гороскоп? Она опускает взгляд на бумажку, мотает головой и корябает: «Нет, не могу. Мою карточку автомат сожрал. Живу на столовские талоны».

Вот черт! Помедлив немного, пишу: «А кредитку можешь дать займы? Я верну деньги, честное слово. И что ты там слушаешь?»

Передаю ей записку, и тут же в зале включают свет. Презентация закончилась, а я не слышала ни одного слова. Люди начинают вставать с мест, а девушка-пиарщица раздает глянцевого брошюры. Элли закончила слушать свой мобильник и улыбается мне:

– Предсказания в любви. Всегда сбываются. – И тут же начинает набирать другой номер.

– Да уж, вранье это все, – неодобрительно качаю я головой. – Поверить не могу, что ты это всерьез. А еще финансовый журналист.

– На себя посмотри, – говорит она, и мы дружно смеемся.

Но тут какой-то старый пень из центральной газеты поворачивается к нам и кидает злобный взгляд.

– Дамы и господа, – раздаётся пронзительный голос, и я поневоле смотрю на сцену. Это Алисия. Она вышла вперед. А у нее красивые ноги, завистливо отмечаю я про себя. – Как видите, Сберегательный счет Экзотических Возможностей Форланда предлагает совершенно новый подход к инвестициям. – Она оглядывает зал, встречает мой взгляд и холодно улыбается.

– «Экзотические возможности...» – насмешливо говорю я Элли вполголоса и тычу в буклет. – Скорее экзотические цены. Видела, сколько у них это стоит?

Я всегда в первую очередь смотрю на цены. Элли понимающе поднимает глаза к потолку, но от телефона не отрывается.

– «Форланд Инвестментс» – это всегда увеличение капитала, – продолжает Алисия своим противным голосом. – «Форланд» предлагает вам больше.

– Они больше берут, вы больше теряете, – нечаянно слишком громко говорю я. В зале раздается смех.

Черт, неудобно как вышло. Теперь еще и Люк Брендон на меня уставился. Я быстренько утыкаю нос в блокнот и делаю вид, будто что-то записываю. Хотя, если честно, не понимаю, чего ради вообще притворяться. Мы же все равно в своем журнале не печатаем ничего помимо той чепухи, что они выдают нам в своих пресс-релизах. Компания «Форланд Инвестментс» выкупает у нас целый разворот на рекламу каждый месяц. Кроме того, в прошлом году они организовали для Филипа какую-то деловую (ха-ха) поездку в Таиланд. Так что нам про них разрешено писать только хвалебные отзывы и петь дифирамбы.

Пока Алисия что-то там вещает, я наклоняюсь к Элли и шепчу:

– Ну что, можно мне попользоваться твоей кредиткой?

– Я по ней уже все выгрела – даже лимит исчерпала, – извиняется она тоже шепотом. – С чего бы я иначе стала на талоны питаться?

– Но мне нужны деньги! Очень! Мне до зарезу нужны двадцать фунтов.

Это прозвучало слишком громко. Алисия замолкает, но тут же находится:

– Может быть, вам стоит вложить деньги в «Форланд Инвестментс», Ребекка?

По залу опять прокатывается смешок. Некоторые оборачиваются, чтобы поглазеть на меня, и я нагло смотрю на них в ответ.

Господи, они ведь тоже журналисты. Могли бы принять мою сторону. Где же наша профессиональная солидарность? Нет, я, конечно, не член профсоюза, но тем не менее.

– Для чего вам двадцать фунтов? – спрашивает Люк Брендон со сцены.

– Э-э... для тетушки, – дерзко заявляю я. – Она в больнице, и я хотела купить ей подарок.

И тут, к моему изумлению, Люк Брендон достает из кармана двадцать фунтов и передает их мужчине в первом ряду. Тот сначала мешкает, но потом передает их на второй ряд, и так двадцать фунтов из рук в руки, из ряда в ряд плывут ко мне, словно фанат на рок-концерте. Когда купюра наконец достигает цели, зал взрывается аплодисментами, вгоняя меня в краску.

– Спасибо, – тихо говорю я. – Конечно, я обязательно верну вам эти деньги.

– Передайте мои наилучшие пожелания вашей тетушке, – отвечает Люк Брендон.

– Спасибо, – снова благодарю я, потом кидаю взгляд на Алисию, и меня окатывает волна победного восторга. Она выглядит совершенно убитой.

К концу времени, отведенного на вопросы, люди начинают потихоньку сбегать. Обычно я тоже стараюсь улизнуть, чтобы выкроить часок для чашечки капучино и шатаний по магазинам. Но не сегодня. Сегодня я решила досидеть до последнего, самого нудного вопроса о налогообложении и после лично поблагодарить Люка Брендона за его добрый, хотя и унизи-тельный жест. А уж потом пойти выкупать свой шарф. Ура!

Однако план неожиданно проваливается. Уже после нескольких вопросов Люк Брендон встает, шепчет что-то Алисии и направляется к выходу.

– Спасибо, – бормочу я, когда он проходит мимо, но не уверена, что он расслышал.

Какая разница? Главное, что я получила свои двадцать фунтов.

По дороге из Вестминстера поезд вдруг останавливается в тоннеле. Проходит пять минут, десять. Вот не везет! Обычно я, наоборот, очень надеюсь, что поезд где-нибудь застрянет и у меня появится уважительная причина подольше не возвращаться в офис. Но сегодня я веду себя, как нервный бизнесмен-язвенник. Барабаню пальцами по стеклу, всматриваюсь в темноту, как будто надеюсь что-то разглядеть.

Умом понимаю, что до закрытия магазина еще масса времени. И что даже если я опоздаю, шарфик вряд ли успеют продать кому-то другому. Но тем не менее такая угроза есть. Так что пока шарфик не будет у меня в руках, расслабиться я не смогу.

Когда поезд наконец приходит в движение, я поудобнее устраиваюсь на сиденье, демонстративно вздыхаю и обращаю взор на сидящего рядом бледного и тихого мужчину.

– Ну слава богу! А то я уже всякую надежду потеряла.

– Да, это нервирует, – тихо соглашается он.

– Им ведь и в голову не придет подумать, что у нас есть срочные дела! Я вот, например, очень спешу.

– Да, я тоже тороплюсь.

– Не знаю, что бы я делала, если бы мы сейчас не поехали. Чувствую себя такой... беспомощной.

– Да, понимаю. Они не думают, что некоторые из нас... – он вежливо кивает в мою сторону, – не просто так едут. И кому-то очень важно приехать как можно скорей...

– Вот именно! – подхватываю я. – А вы куда торопитесь?

– У меня жена рождает, – отвечает тот. – Наш четвертый.

– О, – удивляюсь я. – Боже мой... поздравляю. Надеюсь, вы...

– В прошлый раз она за полтора часа родила, – говорит он, вытирая влажный лоб. – А я в метро уже сорок минут еду. Ну что ж. Главное, мы сдвинулись с места. – Он пожимает плечами и улыбается мне. – А куда вы спешите? Какое у вас срочное дело?

Господи.

– Э-э... Я...

Откашливаюсь и чувствую, что краснею до корней волос. Как сказать этому человеку, что мое срочное дело – всего лишь шарфик в магазине «Денни и Джордж»? Это ведь даже не костюм, или пальто, или что-нибудь такое же основательное. И слышу, как бормочу в ответ:

– Ну, мое дело не такое важное, как ваше.

– Не может быть, – любезно возражает он.

Вот черт, теперь мне действительно не по себе. Но тут, слава богу, мы подъезжаем к моей остановке.

– Удачи вам, – говорю я, поспешно срываясь с места. – Надеюсь, вы успеете вовремя.

Иду по улице немного пристыженная. Наверное, надо было отдать сто двадцать фунтов тому будущему отцу на ребенка, вместо того чтобы покупать очередной ненужный шарфик. Ведь если задуматься, то что важнее? Тряпки или появление нового человека?

Размышляя на эту тему, чувствую себя ужасно глубокомысленным человеком, настоящим философом. Больше вам скажу, я так задумалась, что чуть не проскочила нужную улицу. А когда оторвала взгляд от мостовой, то чуть не оступилась: навстречу мне шла девушка с пакетом «Денни и Джордж» в руке. Все мои благие мысли мигом улетучились.

О боже!

А вдруг она купила мой шарф?!

Взяла и попросила именно этот шарфик, а продавщица решила, что я уже не вернусь, и продала ей его?

От ужаса у меня даже сердце заколотилось, и я почти бегом кинулась к магазину. У двери я буквально задыхалась от страха. А вдруг шарфика нет?! Что тогда я буду делать?

Но едва я вхожу в магазин, блондинка из-за прилавка радостно улыбается:

– Добрый вечер! Он вас ждет.

– Ой, спасибо большое, – с облегчением вздыхаю я и от слабости почти валяюсь на прилавок.

Честное слово, устала так, будто только что преодолела армейскую полосу препятствий. Думаю, надо бы включить походы по магазинам в список упражнений для укрепления сердечно-сосудистой системы. Ничто не учащает мой пульс сильнее, чем вывеска «скидка 50%».

Отсчитываю десятки и двадцатки и почти дрожу от предвкушения, когда девушка ныряет под прилавок и достает оттуда зеленую коробку. Она засовывает ее в гляцевую бумажную сумку с зелеными веревочными ручками и передает мне. Ощущение настолько приятное, что от удовольствия мне даже хочется зажмуриться.

Вот оно, мгновение счастья – когда пальцы обхватывают ручку блестящей, хрусткой сумки и все содержимое этой фирменной упаковки переходит в мое полное владение. На что похоже чувство, возникающее в такой момент? Это все равно что голодать несколько дней, а потом откусить большущий кусок горячего тоста с маслом. Или проснуться утром и осознать, что сегодня суббота. Да что там, такие мгновения сравнимы с лучшими моментами секса. Ничто больше не существует – все мысли и чувства сконцентрированы на этом чудесном ощущении. На одном чистом, эгоистическом удовольствии.

Я медленно выхожу из магазина, все еще пребывая в розовом тумане. У меня есть шарф от «Денни и Джордж». У меня есть шарф от «Денни и Джордж»! У меня есть....

– Ребекка, – прерывает мои мысли мужской голос. Я поднимаю глаза и едва не икаю от ужаса. Это Люк Брендон.

Люк Брендон собственной персоной стоит на тротуаре, прямо напротив меня, и смотрит на мою сумку. Как вам это нравится? Что он тут вообще делает? На тротуаре. Разве люди его класса не должны иметь собственного шофера? И разве он не должен спешить на какую-нибудь жизненно важную деловую встречу? В душе нарастает раздражение и беспокойство.

– Вы все успели? – спрашивает он, немного хмурясь.

– Простите?

– Купить подарок для вашей тетушки.

– Ах да, – отвечаю я и сглатываю. – Успела... Купила.

– Это он? – спрашивает Люк и показывает на сумку.

Чувствую, как мои щеки пылают от стыда. Но ничего другого не остается.

– Я подумала, что... шарфик будет очень кстати.

– Весьма щедро с вашей стороны. «Денни и Джордж». – Он удивленно поднимает брови. –

Ваша тетушка, наверное, очень стильная дама.

– Да, очень, – соглашаюсь я и откашливаюсь. – Такая, знаете ли, творческая натура. И большая оригиналка.

– Не сомневаюсь, – говорит Люк и замолкает. – А как ее зовут?

Черт! Надо было бежать, как только его увидела, пока еще был шанс. Теперь я парализована. На ум не идет ни одно женское имя.

– Э-э... М-м... Эрминтруда, – слышу свой голос.

– Тетушка Эрминтруда, – задумчиво вторит Люк. – Что ж, передайте ей мои наилучшие пожелания.

Потом кивает мне и уходит. А я смотрю ему вслед, пытаюсь понять, догадался или нет.

3

Я переступаю порог нашей квартиры. Сьюзи поднимает на меня взгляд и ахает:

– «Денни и Джордж»! Бекки, не может быть!

– Может, – расплываюсь я в улыбке от уха до уха. – Я купила себе шарфик.

Она вскакивает с дивана и бежит ко мне.

– Покажи! Покажи-покажи-покажи! – И дергает за ручки сумки.

Вот почему мне так нравится жить в одной квартире со Сьюзи. Джулия, моя прежняя соседка, сейчас бы сморщила лоб и переспросила: «Денни и кто?» Или, еще хуже, заметила бы: «Дороговато для шарфика».

Но Сьюзи меня целиком и полностью понимает. Скажу вам откровенно, она еще большая транжира, чем я.

Однако она может себе это позволить. Ей, как и мне, двадцать пять лет, но родители до сих пор выдают ей деньги на карманные расходы. Вообще-то они называются «деньги на содержание» и каплют с какого-то семейного фонда, но, по-моему, это и есть самые настоящие карманные деньги. А еще, когда Сьюзи исполнился двадцать один год, родители купили ей эту квартиру в Фулхэме, где она проживает и по сей день, не слишком утруждая себя работой и большую часть времени занимаясь дуракавалянием.

Какое-то (очень непродолжительное) время она трудилась специалистом по связям с общественностью, в ту пору я с ней и познакомилась – во время деловой поездки на остров Гернси. Сьюзи тогда работала в «Брендон Комьюникейшнс». Не считите за хамство, но она и сама признается, что была самой непутевой пиарщицей в мире. Однажды она совершенно забыла, какой банк должна представлять, и стала энергично нахваливать главного конкурента своих клиентов. Представитель банка с каждым ее словом становился все злее и злее, а журналисты загибались от смеха. Сьюзи, конечно, крупно влетело, и в тот самый момент она и решила, что не стоит губить жизнь на ниве пиара. (Другими словами, Люк Брендон уволил ее, как только они вернулись в Лондон. Тем самым дав мне еще один повод невзлюбить его.)

Но мы со Сьюзи, помню, отлично проводили время – пили вино до рассвета и болтали. А когда Джулия, моя соседка по прежней квартире, ни с того ни с сего вдруг сбежала со своим научным руководителем (та еще была темная лошадка), Сьюзи предложила мне переехать в ее квартиру в Фулхэме. Уверена, что она с меня берет намного меньшую ренту, чем следовало бы, но я и не возражаю, ибо рыночные цены мне не по карману. Если говорить о рыночных ценах на жилье, то мне бы надо жить в дешевых трущобах. Как обычный человек может позволить себе жить в таком безумно дорогом районе, как Фулхэм? Никогда мне этого не понять.

– Бекки, открывай же! – умоляет Сьюзи. – Очень хочется посмотреть! – Ее ловкие пальцы проскальзывают в сумку, и мне приходится отдернуть пакет, чтобы она его не порвала.

Эту сумочку я повешу вместе с остальными модными фирменными пакетами на ручку двери в своей комнате. Они пригодятся мне, если нужно будет пустить кому-нибудь пыль в глаза. (Слава богу, на сумке не приклепнули наклейку «распродажа». Терпеть не могу магазины, которые так поступают. Какой смысл носить фирменную сумку, если на ней жирными буквами наляпано «распродажа»? С таким же успехом можно написать «скряга» или «дешевка».)

Очень медленно я достаю из сумки зеленую коробку, снимаю крышку и разворачиваю оберточную бумагу. Затем почти с благоговейным трепетом вынимаю шарф. Он великолепен. Сейчас он выглядит даже красивее, чем в магазине. Я накидываю его на шею и глупо улыбаюсь Сьюзи.

– Ах, Бекки, – шепчет она, – обалдеть!

Мы обе замолкаем. В этот момент мы приобщаемся к высшему существу – Богу Шопинга. Но тут Сьюзи умудряется все испортить.

– Ты можешь его надеть в выходные на свидание с Джеймсом, – говорит она.

– Это вряд ли, – почти сердито отвечаю я, снимая шарф. – Я с ним больше не встречаюсь.

– Как это?

– Так. Мы расстались. – И я пожимаю плечами с полным безразличием.

Сьюзи делает большие глаза:

– Правда? А почему? Ты мне не говорила!

– Не говорила. Понимаешь, это немного... неудобно.

– Ты его бросила? У вас же еще даже секса не было!

Сьюзи от удивления едва не кричит. Ей очень хочется узнать, что произошло. Вопрос только в том, хочется ли мне ей рассказать? Сначала я решаю все оставить в секрете, но потом думаю: да к черту все!

– Знаю, в этом-то и проблема, – говорю я.

– В смысле? – наклоняется ближе она. – Бекки, ты о чем?

Я набираю полную грудь воздуха и поворачиваюсь к ней:

– Он не хотел.

– Ты ему не нравилась?

– Не в этом дело... Он... – Закрываю глаза, сама с трудом веря в то, что собираюсь сказать. – Он против секса до свадьбы.

– Шутишь?

Открываю глаза и вижу на лице Сьюзи неподдельный ужас. Как будто я только что произнесла страшное богохульство.

– Скажи, что ты пошутила.

– Нет, не пошутила. – Мне удается выдавить слабую улыбку. – Неловко, честное слово. Я, как бы это сказать, на него набросилась, и ему пришлось от меня отбиваться.

Воспоминания о пережитом унижении, которые я до сих пор успешно загоняла в дальний угол памяти, теперь всплыли с удивительной яркостью. Я познакомилась с Джеймсом за несколько недель до этого, и нам предстояло злополучное третье свидание. Мы поужинали в очень милом ресторане, и Джеймс настоятельно потребовал, чтобы я позволила ему заплатить за меня. Потом поехали к нему, и кончилось все тем, что мы оказались на диване и стали целоваться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.